

ИЗ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Ф. А. ГОЛУБИНСКИЙ

«ДНЕВНИК-РАЗМЫШЛЕНИЯ
НА ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕМЫ»
(ВЫДЕРЖКИ)

Среди профессоров Московской академии начала XIX века Федор Александрович Голубинский, 3-й магистр 1-го ее курса, занимает совершенно особое место. Его влияние на последующую судьбу русского богословия не ограничивается рамками научной работы академической религиозно-философской школы, одним из основателей которой он был. Куда большее влияние, чем несколько его философских работ (в основном это конспекты лекций), оказала педагогическая деятельность профессора на протяжении многих лет.

Ф. А. Голубинский был одним из наиболее уважаемых профессоров Московской академии, митрополит Филарет даже называл его столпом Церкви¹. Более тридцати лет он преподавал философию, среди его учеников были Н. И. Надеждин, В. Д. Кудрявцев-Платонов, А. В. Горский. Помимо того, 25 лет он был цензором духовных книг, нередко ему поручались ревизии различных семинарий и духовных училищ.

Естественно, что различные педагогические материалы и размышления на педагогические темы занимают весьма значитель-

¹ Арсеньев В. С. Воспоминания. Дневник / Сост., подготовка текста и коммент. А. И. Серкова, М. В. Рейзина. СПб.: Издательство имени Н. И. Новикова, 2005. С. 273.

ное место в архиве Ф. А. и Д. Ф. Голубинских, хранящегося в настоящее время в Отделе рукописей РГБ (Фонд 76/1, 76/II). Содержится там и небольшая рукопись, писавшаяся в 1830 и в 1848 гг., так и озаглавленная: «Дневник-размышления на педагогические темы»². Основная цель нашей публикации — представить на суд читателя некоторые характерные выдержки из этой рукописи с минимальными комментариями.

Сразу отметим, что в педагогических воззрениях Голубинского, как они отражены в данной рукописи, наблюдается интересная и неожиданная на первый взгляд двойственность. Прежде всего, в них присутствует представление об идеальной педагогике как о свободном стремлении к вершинам духа, о совместном пути учеников и наставников к правильному устройению жизни. Эта педагогика может быть реализована в особых «тепличных» условиях, напоминающих образ жизни в высшем учебном заведении или аспирантуре. Однако к этой исключительной свободе можно прийти не сразу, первоначальный этап муштры оказывается тоже существенно важным и необходимым. На уровне семинарского образования Голубинский выступает как сторонник строжайшей системы воспитания. Соответственно данным представлениям отрывки сгруппированы в три следующие раздела: 1. Семинарские строгости; 2. Идеальная духовная школа и 3. Неформальные отношения преподавателей и студентов.

1. СЕМИНАРСКИЕ СТРОГОСТИ

Во всех насущных вопросах современного ему семинарского образования Голубинский заявляет себя сторонником полного контроля жизни учащихся со стороны администрации. Приведем наиболее выразительные выдержки.

«Итак в сем (т. е. риторическом. — Н. С.) особенно классе нужны такие надзиратели, которые бы были неотлучно с учени-

² ОР РГБ. Ф. 76/1. К. 1. Ед. 3. Л. 1—8.

ками на всех шагах их с раннего утра до полуночи, ходили бы с ними на классы и были там с ними по крайней мере до того времени, когда учитель взойдет в класс, дабы обуздывать их шалости, и, что особенно достойно попечения, препятствовать их заседаниям у печки и по углам, где обыкновенно рассказываются сказки, буйством и удалством в делах непотребных пленяющие неопытное сердце. Этот обычай едва не везде водится; и обыкновенно отличающиеся сим стараются завлечь в свой кружок лучших учеников, в коих стыдливость и скромность, насажденные воспитанием домашним, еще не исчезла. Это известно мне между прочим и по собственному опыту; обсевши со всех сторон набивали мне в уши всякие мерзости и когда видели, что я затыкал уши, то насильно отнимали мои руки и удерживали меня на одном месте. Сии же надзиратели должны бы были (как это водится у иезуитов) быть с учениками и при их прогулках и играх, дабы и здесь обуздывать наглость свары и сквернословия. Они же и укладывали бы спать учеников, прослушавши их уроки, помолившись вместе Богу и зажегши им свечку или лампадку, — которой необходимо в каждой комнате гореть во всю ночь...»³

Переходя к общему взгляду на семинарскую систему общежития, Голубинский пишет:

«Пороки, наиболее господствующие и опасные в духовных училищах, суть: пьянство, тайные любодейания, непризнательность и невежливость (презрение к вежливости).

Для предотвращения пьянства — которое влечет за собой и другие беспорядки и простирает свое пагубное влияние на целую жизнь, превращаясь у многих церковнослужителей в запой — можно бы было постановить некоторые и внешние преграды, кои хотя не слишком надежны, но более состоят во власти начальства, нежели сильнейшие — внутренние. Так:

а) при постройке зданий семинарий нужно наблюдать, чтобы

³ ОР РГБ Ф. 76/1. К. 1. Ед. 3. Л. 5.

дом семинарии непременно обнесен был стеною — не так, как теперь в Вифанск[ой] с[еминарии], где из дому открыт вход на все четыре стороны, и семинаристы по ночам могут ходить куда им угодно, и на рыбную ловлю, и в селение, в котором питейный дом.

б) Строго нужно подтвердить, чтобы никто из семинаристов без надзирателей не был отпускаем ни к родственникам, ни для покупок, ни для прогулки.

в) Также и отпуск в дома к родителям на праздники и вакации едва ли не нужно прекратить, ибо пьянство всего более поддерживается в это время, особенно в селах. Ежели скажут, что это заключение слишком строго, то почему же сносят это дети с большей нежностью воспитанные, нежели дети духовных, именно дети из знатных и благородных фамилий, отправляемые в институты и корпуса? Когда в звании духовном уменьшится пьянство и отцы будут заслуживать большую доверенность, тогда может быть и не так нужно будет это безвыходное содержание семинаристов в семинарии⁴. — Прилично здесь припомнить, что эта мера признана нужною и в регламенте Петра В[еликого]⁵. — Теперь она потому становится более нужною и удобною, что все семинаристы будут содержаться на казенном коште.

г) Инспектору и надзирателям нужно внушить, чтобы особенно смотрели за воспитанниками в праздники и в те дни, когда кто из них бывает именинником, или видится с родственником, или получил из дому деньги, ибо при сих случаях всего чаще бывают искушения к нетрезвости.

⁴ также можно и теперь отпускать тех, коих отцы известны по своей трезвости и отличному благонравию (примеч. Ф. А. Голубинского).

⁵ Замечание весьма уместное. Действительно, в регламенте Петра Великого предписано столь строгое содержание семинаристов, что автор регламента счел нужным оговориться: «Таковое младых человек житие кажется быти стужительное и заключению пленническому подобное. Но кто обыкнет так жить, хотя чрез един год, тому весьма сладко будет» (пункт 13 предписания об устройстве семинарий // Духовный регламент Петра Перваго. М.: Синодальная Типография, 1897. С. 61.).

д) Свидания с родственниками должны быть в присутствии надзирателей; инспектор должен получать деньги от родственников и выдавать учащимся понемногу и знать, на что сии деньги употреблены будут.

е) Теперь во многих местах есть кредит. Лавочники верят воспитанникам и нередко отпускают им в долг водку. Это зло должно быть решительно прекращено.

Для введения в чувство виновных в нетрезвости или других беспорядках нужно бы [завести] при каждой семинарии особенную исправительную комнату, которая чаще других [должна быть] посещаемая инспектором и состоять под надзором надежного надзирателя. [Комната не столько] должна быть карцером, темным местом наказания, сколько больницей для...»⁶.

2. ИДЕАЛЬНАЯ ДУХОВНАЯ ШКОЛА

Федор Александрович описывает свою мечту такими словами: «В окрестностях Москвы в довольном отдалении от шума городского я воображаю себе уединенный дом с церковью и садами». В сноске он поясняет: «Для того в окрестностях Москвы, что представленные в сем доме руководители могут в Москве находить для себя добрый совет, подкрепление и оживление в свиданиях с такими людьми, каков Семен Иванович⁷ и ему подобные».

⁶ Угол страницы оборван и несколько последних слов отсутствуют. ОР РГБ. Ф. 76/1. К. 1. Ед. 3. Л. 8 об.

⁷ Семен Иванович Соколов (1772—1860), протоиерей, воспитанник семинарии в Троице-Сергиевой лавре, настоятель церкви Воскресения в Барашах в Москве, переводчик сочинений Фомы Кемпийского: «О последовании Христу» (М., 1834), «Долина лилий и цветник роз». Действительный член конференции Московской духовной академии. Пользовался огромным уважением в круге Голубинского. Митрополит Филарет, направляя к нему обращающегося к вере Н. В. Сушкова, говорил: «Руководителем вашим будет в благом деле спасения священник приходской церкви Воскресения в Барашах. Лучшего для

Продолжая основное повествование, он пишет: «И в том доме небольшой круг благонамеренных юношей, кончивших свое образование в разных духовных семинариях и академиях и собравшихся сюда для того, чтобы под руководством опытного и христианской любовью исполненного наставника учиться жить, учиться познавать себя, изливать в сердце наставника свои скорби, утешения, желания и искушения, учиться вместе молиться от сердца и любить друг друга как братьев, и потом в течение нескольких лет, утвердившись в правилах жизни доброй, благочестивой и братолюбивой, посвятить себя попечениям о нравственном воспитании духовного юношества»⁸.

«Их заведение не семинария и не академия: ибо здесь не требуется столь много напряжения, трудов и времени для занятий умственных, сколь там; и большее внимание обращено на образование сердца. Оно не есть и монастырь или пустынь общежительная в том виде, как они существуют в России, ибо вступающие сюда не обязуются непременно быть монахами, менее употребляют времени на церковную службу, нежели в монастырях, не работают в кухне и делают время между делами благоговения и занятиями учебными»⁹.

Для общего чтения в идеальной школе «...преимущественно должны быть избираемы такие книги, которые человека приводят к покаянию и научают рассматривать самого себя; посему книги высокие (как, напр[имер], Исаака Сирина, или Добротолюбие, или Дионисия Ареопагита) и т. под.) не могут быть в сих собраниях читаемы подряд, а может быть из них избираемо соразмерное с силами и возрастом. Но такие книги, каковы: о Познании самого себя, 1 часть и многое из Ар-

вас духовника не придумаю» (Сушков Н. В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. М., 1868. С. 10). С протоиереем Семеном Соколовым Федор Александрович советовался по наиболее важным вопросам.

⁸ ОР РГБ. Ф. 76/1. К. 1. Ед. 3. Л. 6.

⁹ ОР РГБ. Ф. 76/1. К. 1. Ед. 3. Л. 6 об.—7.

ндта, Руководство Франц[иска] де Саль, многое из Фомы Кемп[ийского], Духовная брань и тому подобное, также из отцов Церкви Ефрема Сирина, многое из Вел[икого] Макария, авва Доротея и сим подобное могут быть признаны за классические»¹⁰.

3. НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ

Заметим, что такое сочетание возвышенных, красивых целей и жестких средств принуждения для достижения этих целей достаточно характерно для того времени. Впрочем, личные отношения профессоров со студентами были отнюдь не только формальными. Приведем для иллюстрации этого три записи из дневников Федора Александровича.

Запись от 2 декабря 1835 г.: «Видел во сне, что пришел ко мне студент и просил 20 р. Я хотел дать ему десять, а двадцать не дал. Поутру 2 декабря действительно пришел студент и выпросил десять рублей»¹¹.

«Прощен долг студенту Иринару Введенскому, уволенному из Академии, 11 руб. 80 коп.»¹²

«От М. П. Погодина для студентов: два раза по 425 руб.»¹³

А в «Педагогических мыслях» описывается следующий обычай. «...Почти везде поддержива[ется] низкое обыкновение, перешедшее в училища еще из старых времен, когда жалования были весьма скудны, — обыкновение являться. Оно состоит в том, что каждый ученик после гощения в доме родителей об вакансии или о Пасхе приличием обязан прийти к смотрителю, а во многих местах и к учителю на поклон, или с несколькими десятками яиц,

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 76/І. К. 1. Ед. 3. Л. 7 об.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 76/І. К. 1. Ед. 1. Л. 28 об.

¹² ОР РГБ. Ф. 76/І. К. 11. Ед. 4. Л. 16.

¹³ ОР РГБ. Ф. 76/І. К. 11. Ед. 11. Л. 3.

или с окороками, или с бутылкою вина, или с несколькими гривнами, а побогаче и с рублями»¹⁴.

В заключении нельзя не отметить, что опубликованные выше отрывки лишь в малой степени представляют богатство и разнообразие исторического, социологического, философского материала, содержащегося в архиве Ф. А. и Д. Ф. Голубинских. Среди бумаг Ф. А. Голубинского сохранились научные работы, конспекты лекций, переводы, дневники, подробнейшие записи семейных расходов, его переписка. Практически все эти материалы остаются пока неопубликованными и недостаточно исследованными.

Публикация подготовлена
Н. В. Солодовым

¹⁴ ОР РГБ. Ф. 76/1. К. 1. Ед. 3. Л. 6—6 об.